

Хорошо известно, что одним из наиболее важных качеств искусства и, в частности, искусства театрального есть его эмоциональность. Через органы чувств, в первую очередь, происходит восприятие содержания того или иного произведения, и потом уже следует осмысление увиденного и услышанного. Чтобы такое случилось, исполнитель должен глубоко проникнуться и наполниться тем, что волновало автора литературного творения. Владимир Даль в своём великом словаре определяет поэтическое творчество как изящество в письменности, как всё художественное, духовно и нравственно прекрасное, выраженное словами, и притом мерною речью... Бахтин писал: «Язык, слово — это почти всё в человеческой жизни» (1, стр. 297). Мандельштам обмолвился: «Истинный и праведный путь к театральному осязанию лежит через слово. В строении речи, стиха или прозы дана высшая выразительность» (9. т. 4, стр., 101)

И не только проникнуться, но и восхититься и насладиться его созданием.

Валерий Брюсов отмечал: «Наслаждение произведением искусства состоит в общении с *душою* (курсив мой — Р. Мюрисеп) художника... Сущность в произведении искусства — это личность художника; краски, звуки, слова — материал; сюжет и идея — форма. Кто дерзает быть художником, должен быть искренним — всегда до предела» (2. т. 6, стр. 44).

Один из моих театральных учителей Валерий Николаевич Галендеев, человек известный в театральных кругах, — театральный педагог, один из ведущих специалистов в области сценической речи, доктор искусствоведения, профессор, — писал: «...больше чем через тридцать лет после начала педагогической работы, я окончательно убедился в том, что актёр говорит не речевым аппаратом, дикцией, резонаторами, а всем существом: телом, жестом, мимикой, аурой, которую он создает вокруг себя» (4, стр. 116).

Не люблю точек... в высказываниях, суждениях, определениях, размышлениях... Во многом сомневаюсь... Но есть *нечто*, о чём могу сказать со всей определенностью: актёрам — неважно, оперный это артист или драматический, (у оперных артистов те же поэтические строки, монологи, только «одухотворенные» музыкой) — нельзя *просто* читать стихи наизусть. Задали — «вызубрил»... Важно, в какую почву попадут семена Слова, поэтического слова!.. И что произрастёт на ней.

Замечательный пушкиновец Валентин Непомнящий говорит: «В России ещё живо понимание культуры как «служения». Связано это с верой наших дедов и прадедов. Вере этой тысяча лет и благодаря ей, Россия стала великой нацией и её культура до сих пор поражает весь мир» (11, стр. 562, 563).

И здесь уместно сказать вот о чём: Культура по латыни — возделывание. В России это понимается как *возделывание человеческой души*.

Нынешние времена — времена цивилизации. А цивилизация — возделывание *внешних условий обитания* человека, его удобств и утех. Мировой культуре грозит превращение из культуры в цивилизацию, в предмет потребления, в добычу толпы. Доктор наук и профессор Вера Алексеевна Фортунатова говорит: «Образы мировой литературы можно сравнить с элитными семенами для духовного посева, не забывая только, что для высокого урожая, следует хорошо обрабатывать почву — внутренний мир человека» (13, стр. 126, 128). Вот здесь — корень проблемы. Воспитание, возделывание души человека, посвятившего себя служению искусству — архиважная, и одна из фундаментальных в воспитании молодого художника. Этот процесс происходит и через общение с классикой, с великой русской литературой, великой русской поэзией.

Известный театральный педагог и оперный режиссёр Григорий Владимирович Кристи говорил: «Донесите до публики каждое слово гениального пушкинского текста, и это одно уже будет революцией в оперном искусстве» (7. с. 153). На первом, да и на втором курсе, прошу студентов выбрать стихи Пушкина — обязательно. И — Лермонтова, обязательно. Они меня спрашивают: «Почему именно Пушкин? Почему — Лермонтов?» Отвечаю: «Творчество этих поэтов — не просто отражение моих интересов и пристрастий. Это — моя система ценностей в практическом приложении, это ворота в мой духовный мир, это моя вера. Хочу, чтобы вы вошли и приняли этот мир, приняли эту веру». Пушкин удивительно сказал: «Блажен, кто крепко словом правит / и держит мысль на привязи свою» (12, т. 4, стр. 237).

Надо помочь молодому человеку, который решил посвятить себя служению искусству «крепко словом править» и «держатъ мысль», помочь определить свою жизненную и художественную траекторию, помочь услышать «голос более ранней истины» через творчество гениев поэтической мысли, русского поэтического слова, через их письма, заметки, дневники, и, конечно же, через поэзию. Вот что говорит авторитетнейший деятель русского театра — искусствовед и режиссёр, директор императорских театров, автор известной книги «Выразительное слово» князь Сергей Михайлович Волконский: «Человек, не испытывавший горячего увлечения литературой, поэзией, музыкой, живописью, не прошедший через эту эмоциональную выучку, навсегда останется душевным уродом, как бы не преуспевал он в науке и технике. При первом же знакомстве с такими людьми, я всегда замечаю их страшный изъян — убожество их психики, их "тупосердие" (по выражению Герцена)» (3, стр. 57). А вот слова замечательного исследователя русской литературы и культуры XIX века Юрия Лотмана: «... "культуру речи" и "культуру цели" определяет человек, который сможет разглядеть в поэзии «не рифмованные прописи», а плод творческого гения их автора. Его надо не только понять — им надо насладиться, пережить, почувствовать, полюбить. Чтобы полюбить то или иное поэтическое произведение, надо почувствовать стоящую за ним личность автора. Его судьбу, его радости и страдания, цели и надежды» (8, стр. 97).

Сейчас порой уникальность вытесняется стереотипом и массовостью. Тирания массовости подавляет интуицию, тонкость восприятия и другие качества в человеке, то есть «понижает и трансформирует общий культурный уровень». Поэтому, какая же культуры цели, если внимание человека не на понимании культуры, а лишь на её технологиях. Человек становится не интересен человеку, и потому теряет стремление к постижению жизни, утрачивает способность постичь суть собственных ошибок, найти выход к высшим точкам бытия. «Сегодня человек завис в точке невозврата и пребывает в состоянии насыщенной пустоты. Это означает, что он до предела загружен, многое успевает, всё осознает, имеет множество планов и намерений, но все это упирается в тупик его

собственного Я...» (13, стр. 8). Кратчайший путь возвращения к человеку — через образы на самых различных уровнях — психологическом, философском, художественном, социологическом и т. д.

Как же мною реализуется то, что называется возделыванием «почвы», воспитанием души. Я понимаю и чувствую, что только через себя, через своё творчество и убеждение возможен сей акт. Смогу передать, привить ученику то, что исповедую через своё чувственное и смысловое отношение к автору. Я сама становлюсь исполнителем и чтецом, сама проживаю произведения любимых авторов. Организую встречи с мастерами художественного слова, где после прозвучавших стихов и происходят беседы с большими артистами. Наконец, мы слушаем великие литературные произведения замечательных мастеров в записи.

Есть такая известная фраза, говорят, принадлежащая французскому поэту: «Поэзия — это воспламененное сознание». Красивое и глубокое и поэтическое определение. Передать молодым это — моя задача! Звучащее слово! Сколько тут сосредоточено! В учении В.И. Немировича-Данченко о сценическом слове наша отображение сквозная методологическая идея — «мысль о трех правдах» или «о трех волнах» или «о трех путях»: жизненной, социальной и театральной. Если не соблюдалась мера всех «трех правд» — произведение театрального искусства для него не могло быть полноценным. Отсутствовала *художественная правда*.

«*Правда социальная*» — актёр должен быть сам по себе социально воспитанным человеком, независимо от материала, с которым ему придется иметь дело. Когда он начинает работу, он и как художник, и как гражданин, и просто как член человеческого семейства должен обладать чуткостью в вопросах этики, идейности, политической устремленности. Что и составляет сущность социальности.

«*Жизненная правда*» совпадала с «правдой быта». Фактического самочувствия с логикой действия. Жизненное можно определить как правду — человеческую правду. Отсюда — психология, психофизика, бури человеческих страстей, столкновение этих страстей в сюжете, содержащем драматический конфликт».

И, наконец, *правда театральная* захватывала стиль автора, жанр пьесы, сценическую выразительность, безошибочность сценических приемов.

Владимир Иванович Немирович-Данченко говорил: «Самое глубокое проникновение в психологию образа становилось бесплодным, если актёр не находил нужной сценической формы и не чувствовал стиля автора, бурного ритма комедии или яркости бытовой драмы» (10, т. 1, стр. стр.180).

Поэтическое слово — это слово с живой и яркой внутренней формой, основой словесного образа. Как же с ним обращаться с поэтическим текстом как?.. Какие методологические действия надо совершить, чтобы поэтическое слово сделать своим? 1. Медленное чтение, филологическое вчитывание, погружение в текст. 2. Перевод поэтического слова в прозу. Текст прозы стремится максимально полно развернуть, раскрыть, объяснить содержания произведения. 3. Обращение к словарям, которые окажут помощь в историко-языковом комментарии образности. 4. Анализ и интерпретация подтекста (уточнение значений слово-образа в смысловом контексте стихотворения). 5. Энциклопедический комментарий. 6. Компонентный анализ. Определение основных и второстепенных признаков в структуре фразы. 7. Определение смыслового ядра. 8. Экзистенциально-личностные «поступления»*.

* Экзистенциализм (фр. existentialisme от лат. exsistentia — существование), также *философия существования* — направление в философии XX века, акцентирующее своё внимание на уникальности иррационального бытия человека. Отличается от других родственных направлений (персонализм, философская антропология), прежде всего идеей преодоления (а не раскрытия) человеком собственной сущности и большим акцентом на глубине эмоциональной природы.

Экзистенциально-личностное «поступление»... Вот это самое главное... Валерий Николаевич Галендеев говорил мне как-то на занятиях: «Всё хорошо разобрано по смыслу, дикционно и орфоэпически — точно, а теперь излучай». И вот это самое трудное...

Отсюда делаем вывод: «Слово становится венцом творчества, оно же должно быть и источником всех задач — и психологических и пластических. Если оно с самого начала неверно понято, неглубоко психологически, неметко в определении характерности, или эпохи, или быта, или стиля автора, актёрская мысль пойдет не по верному пути» (10, т. 1, стр. 213).

А это Валерий Брюсов, русский поэт начала XX века, главное его дело — лирическая поэзия, он автор многих критических, теоретических статей литературоведческих и историко-культурных исследований, очерков, переводов: «Кто дерзает быть художником, должен найти себя, стать самим собой... Необходимо освободиться от всего чужого, хотя бы то были заветы великих учителей. Под наносными красками надо усмотреть свет души своей... Кто дерзает быть художником, должен быть искренним всегда без предела».

И ещё... «Единственный признак истинного искусства — своеобразие. Искусство всегда создает нечто новое. Постоянный признак лжеискусства, что оно подражательно. Так, не понявший себя принимает своё чувство за одно из запечатленных раньше другими; вместо исповеди он дает пересказ, не творит, а переделывает... так неискренний и не хочет быть самим собой, откуда узнает он чувство которое не испытывал как не от людей?» (2, т. 6, стр. 45-46)

И далее... «Искусство в частности поэзия — есть акт познания; конечная цель искусства, так же как и науки — познание. Если поэзия, как и наука — есть форма познания, то чем же различаются познания научные и познания через поэтическое творчество. Исключительно — методом. Метод науки анализ — метод поэзии синтез. Наука апеллирует понятиями, поэзия чувственными представлениями. Наука апеллирует к рассудку, поэзия к эмоциям и разуму». (2, т. 6, стр. 560)

И, наконец, он завершает: «Где нет синтетического мышления, где нет конечного синтеза двух или нескольких образов, это — не поэзия. Произведение само по себе может быть ценным, значительным, может нравиться, увлекать, может иметь влияние, но оно будет влиять средствами иными, а не средствами искусства, будет нравиться иначе, чем художественные создания, будет ценно, как что-то другое, а не поэзия. Поэтическое произведение всегда приводит к синтетическому суждению, которое может быть вскрыто из его образов; в подлинном создании поэзии, в создании «великого» поэта, это суждение всегда — широкая новая мысль, равноценная лучшим завоеваниям науки, так как сущность поэзии — идеи, а не что иное». (2, т. 6, стр. 570)

А дальше — творите и удивляйте, ИЗЛУЧАЙТЕ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бахтин М.М., Эстетика словесного творчества, М., Искусство, 1979.
2. Брюсов В., Собрание сочинений в 7 томах, М., Художественная литература, 1975.
3. Волконский С.М., Выразительное слово, СПб, 1913.
4. Галендеев В.Н. 50 лет в театральной педагогике. Сборник «Сценическая речь. Теория. История. Практика». С-Пб., ГАТИ, 2013.
5. Галендеев В.Н. Не только о сценической речи. С-Пб., издательство ГАТИ, 2006.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, в 4-х тт., М., 1956.
7. Кристи Г.В. Работа Станиславского в оперном театре, М., Искусство, 1952.
8. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов, Гоголь. Введение. Москва, Просвещение, 1988.
9. Мандельштам О.Э. Собр. соч. в 4-х тт., Москва «ТЕРРА», 1991.
10. Немирович-Данченко В.И. Театральное наследие в 2-х томах, М., Искусство, 1952.
11. Непомнящий В.С. Пушкин. Русская картина мира, М., Книжный клуб книгошек, 2019.
12. Пушкин А.С. Собр. соч. 10-ти тт., Л., Наука, 1977.
13. Фортунатова В.А. Антропология образных состояний. Саарбрюкен, Германия: LAP (Lambert Academic Publishing).